Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о горбуне

И Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, широкий на руку и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в свое жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорченного и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу; и горбун согласился и пошел к ни ч.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь) и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: "Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок Зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!"

И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле, – и так как срок его жизни кончился, он умер..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать пятая ночь

Когда же настала двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что жена портного положила горбуну в рот кусок рыбы, и так как его срок окончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через наши руки!" А жена его сказала: "Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Зачем утешать себя я стану немыслимым,

Теперь уж не встречу я друзей, чтоб беду снести.

И как на огне сидеть, еще не пожухнувшем!

Клянусь, на огнях сидеть – пропащее дело!"

"А что же мне делать?" – спросил ее муж; и она сказала: "Встань, возьми его на руки и накрой шелковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: "Это мой ребенок, а вот это его мать; мы идем к лекарю, чтобы он посмотрел его". Услышав эти слова, портной встал и понес горбуна на руках, и жена его говорила: "Дитятко, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит и в каком месте тебя поразила оспа?" И всякий, кто видел их, говорил: "С ними больной ребенок". И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась черная невольница и открыла ворота и посмотрела – и вдруг видит: у ворот человек, который несет ребенка, и с ним женщина. "В чем дело?" – спросила невольница; и жена портного сказала: "С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай ее твоему господину – пусть он сойдет вниз и посмотрит моего ребенка: на него напала болезнь". И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: "Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души".

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: "У ворот человек с каким-то больным, и с ним женщина. Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-нибудь подходящее". И евреи, увидав четверть динара, обрадовался и поспешно встал и сошел вниз в темноте, – и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мертв. И он воскликнул: "О великий! О Моисей и десять заповедей! О Ааросни Иисус, сын Ну на! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?" И он понес горбуна и вошел с ним в дом и сообщил об этом своей жене; а она сказала: "Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдет день, пропали наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина". А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыш и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горбатого, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошел к дому и отпер его и вошел с зажженной свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: "Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадет мои запасы, – оказывается, человек!" И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: "Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! Я перебил всех кошек и собак на улице и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши". И, схватив большой молоток, он взмахнул им и подошел к горбуну и ударил его в грудь – и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: "Нет, мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" Он испугался за себя и сказал: "Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки". А потом он взглянул на него – и видит: это горбатый. "Мало того, что ты горбун, ты стал еще вором и крадешь мясо и сало! – воскликнул надсмотрщик. – О покровитель, накрой меня своим благим покровом!" И он поднял горбуна на плечи и вышел с ним из дому на исходе ночи и нес его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка и бросил его и ушел.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказал ему, что утреня близко; и он шел покачиваясь, пока не приблизился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд – и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка и от сильного опьянения бросился на горбуна и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришел и увидал, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: "Что такое с ним?" – "Он хотел утащить мой тюрбан", – отвечал христианин. "Встань, оставь его", – сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошел к горбуну и увидал, что он мертвый, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!" Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привел его в дочевали, а христианин говорил про себя: "О мессия, о дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!" – И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь, до утра, в доме вали, а утром вали пришел и велел повесить убийцу и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошел и накинул на шею христианина веревку и хотел повесть его, как вдруг надсмотрщик прошел сквозь толпу и увидал христианина, которого собирались вешать, и он растолкал народ и крикнул палачу: "Не надо, это я убил его".

"За что же ты его убил?" – спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: "Вчера вечером я пришел домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снес его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка... – И он воскликнул: Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я еще убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!" И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: "Повесь этого, согласно его признанию".

И палач снял веревку с шеи христианина и накинул ее на шею надсмотрщика: он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошел сквозь толпу и закричал людям и палачу: "Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом и отдала мне деньги, а мужчина и женщина внесли горбуна в дом и положили его на лестницу и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал с верху лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика – рядом с моим домом) и спустили его, мертвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришел, он увидел горбуна в своем доме и предположил, что это вор, и ударил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его. Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!"

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: "Отпусти – надсмотрщика и повесь еврея". И палач взял еврея и положил веревку ему на шею, но вдруг портной прошел сквозь толпу и крикнул: "Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днем гулял и пришел к вечеру и увидал этого пьяного горбуна, у которого был бубен, и он пел под него. Я пригласил его и привел к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперек горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: "Скажи твоему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной, – поди посмотри его". И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внес горбуна на верх лестницы, поставил его и ушел вместе с женой; а еврей спустился и наткнулся на горбуна – и решил, что он убил его". И портной спросил еврея: "Правда?" И тот сказал:

"Да!" И тогда портной обратился к вали и сказал: "Отпусти еврея и повесь меня". И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул:

"Поистине, такое дело записывают в книгах! – А потом он сказал палачу: Отпусти еврея и повесь портного, по его признанию". И палач подвел его и сказал: "Мы устали – одного подводим, другого отводим, а никого не вешают", – и накинул веревку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутом султана, и тот не мог расстаться с ним: и когда горбун напился и пропадал эту ночь и следующий день до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, – и ему сказали: "О владыка, мы принесли к вали мертвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца и третий, и все говорили: "Я один убил его", и каждый рассказывал вали о причине убийства. И султан, услыша эти слова, кликнул привратника и сказал ему: "Сходи к вали и приведи их всех ко мне".

И привратник пошел и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: "Не надо!" Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика, – и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми, – а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло восхищение, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: "Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?" И тогда выступил вперед христианин и сказал: "О царь, наметь время, – если позволишь, я тебе расскажу о чемто, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна". – "Расскажи нам то, что ты хочешь!" – сказал царь.